

1

Для города Кагель-Родригеса это был знаменательный день. Горожане, в лучших одеждах, поднялись с восходом солнца. С балконов мрачных старинных дворцов знати свисали богатые драпировки, на флагштоках лениво колыхались их родовые знамена. Наступил праздник Успения, 15 августа. Солнце нещадно палило с безоблачного неба. Возбуждение царило в атмосфере. В этот день после многолетнего отсутствия прибывали два выдающихся человека, уроженцы города, и в их честь готовились торжества. Одним из этих людей был фра Бласко де Валеро, епископ Сеговии, другим — его брат дон Мануэль, прославленный полководец королевской армии. Их ожидало исполнение *Te Deum** в кафедральном соборе, затем банкет в ратуше, бой быков, а лишь падет ночь — фейерверки. С самого утра на главную площадь потянулись толпы людей. Здесь они оформля-

---

* *Te Deum* [laudamus] — Тебя, Бога [хвалим] (*лат.*), благодарственная молитва. — *Примеч. пер.*

лись в процессию, которая должна была встретить знаменитых гостей на подступах к городу. Шествие возглавляли городские власти, за ними шли сановники церкви и, наконец, шеренга дворян. Толпы вдоль улиц следили за процессией и сдерживали свое нетерпение в ожидании того момента, когда оба брата в сопровождении этих важных господ войдут в город, а колокола всех церквей сольются в приветственную мелодию.

В часовне церкви, примыкающей к монастырю кармелиток, перед образом Святой Девы горячо молилась девушка-калека. Наконец, опершись о костыль, она поднялась с колен и захромала к выходу. После прохлады и полумрака церкви яркий солнечный свет на мгновение ослепил ее. Она остановилась и оглядела пустую площадь. Закрытые жалюзи на окнах домов. Полная тишина. Все ушли встречать гостей, и не слышалось даже лая собак. Казалось, город вымер. Взгляд девушки остановился на двухэтажном домике, зажатом между другими домами, и она безнадежно вздохнула. Ее мать и дядя Доминго, живший вместе с ними, также ушли встречать епископа и обещали вернуться лишь после боя быков. Девушка почувствовала себя совершенно одинокой и глубоко несчастной. Домой идти не хотелось, она присела на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей от дверей церкви на площадь, мощенную каменными плитами, положила рядом костыль и заплакала. А затем, сокрушенная горем, неожиданно упала лицом вниз и разрыдалась. При

этом она задела костыль, и тот загремел по узким и крутым ступенькам. Это было последней каплей. Теперь ей предстояло ползти вниз, волоча парализованную правую ногу, так как передвигаться без костыля она не могла. И девушка продолжала безутешно рыдать.

Внезапно она услышала ласковый голос:

— Почему ты плачешь, дитя?

Вздрогнув, она удивленно подняла голову, так как не слышала приближающихся шагов. Рядом стояла женщина в длинном, до пят, синем плаще. Казалось, она только что появилась из церкви, но девушка сама вышла оттуда и знала, что, кроме нее, там никого не было. Незнакомка откинула капюшон, и девушка решила, что та действительно вышла из церкви, ведь женщинам запрещалось находиться в доме Бога с непокрытой головой. Молодая, пожалуй, высоковатая для испанки, ни единой морщинки под темными глазами, гладкая, нежная кожа, волосы, разделенные посередине на прямой пробор, сзади перехваченные простой ленточкой. Тонкие черты лица и добрый взгляд. Девушка не смогла сразу решить, стоит рядом с ней крестьянка, жена местного фермера или благородная дама. Держалась она просто и в то же время с внушающим робость достоинством. Длинный плащ скрывал остальную одежду, но, когда женщина откинула капюшон, блеснуло что-то белое, и девушка догадалась, что это цвет ее платья.

— Осуши слезы, дитя, и скажи, как тебя зовут?

— Каталина.

— А почему ты сидишь тут одна и плачешь, когда все ушли встречать епископа и его брата, капитана?

— Я — калека и не могу далеко ходить, сеньора. И что мне делать среди веселых и здоровых людей?

Женщина стояла чуть позади, и Каталине пришлось повернуться, чтобы говорить с ней.

— Откуда вы пришли, сеньора? — спросила девушка, взглянув на резные двери. — Я не видела вас в церкви.

Женщина улыбнулась в ответ так нежно, что горечь тут же покинула сердце Каталины.

— Я видела тебя, дитя. Ты молилась.

— Да, молилась, как молюсь днем и ночью Пресвятой Деве с тех пор, как со мной случилась беда, и прошу ее исцелить меня.

— И ты думаешь, она в силах помочь тебе?

— Да, если захочет.

Что-то доброе и дружелюбное во взгляде незнакомки заставило Каталину поведать ей свою грустную историю. Это случилось на Пасху, когда в город пригнали стадо быков для корриды. Впереди гарцевали на лошадях молодые дворяне. Неожиданно из стада вырвался бык и бросился в боковую улочку. В панике люди кинулись врассыпную. Одна из лошадей сбросила седока, бык приближался. Каталина бежала изо всех сил, но поскользнулась и упала. Увидев мчащегося к ней быка, она испуганно вскрикнула и лишилась чувств. Когда Каталина пришла в себя, ей сказали, что бык ударил ее копытами и пробе-

жал дальше. Сначала казалось, что она отделалась лишь несколькими синяками, но спустя несколько дней Каталина стала жаловаться, что не может пошевелить ногой. Доктора осмотрели ее и нашли, что нога парализована. Ногу кололи иглами, но Каталина не чувствовала боли, ей пускали кровь, поили тошнотворными отварами, но ничего не помогало. Нога омертвела.

— Но у тебя остались руки, — заметила женщина.

— Слава Богу, иначе мы бы умерли с голоду. Вы спросили меня, почему я плачу. Потому что, став калекой, я потеряла любовь моего возлюбленного.

— Вероятно, он не любил тебя, если оставил в трудную минуту.

— Он любил меня всем сердцем, и я любила его больше всего на свете. Но мы — бедные люди, сеньора. Диего Мартинес — сын портного и пойдет по стопам отца. Мы собирались пожениться, как только он закончит учебу. Но бедняк не может позволить себе жену, которая не будет ходить на рынок и вести домашнее хозяйство. И мужчины всего лишь мужчины. Никому не нужна жена на костылях, и теперь Педро Алварес предложил ему свою дочь Франческу. Она страшна, как смертный грех, но Педро Алварес богат, и Диего не мог отказаться.

Каталина снова заплакала. Женщина понимающе кивнула. Издалека донеслись звуки фанфар, барабанный бой, и затем ударили все колокола.

— Они вошли в город, епископ и его брат, капитан, — сказала Каталина. — Как получилось, что вы

оказались здесь, сеньора, вместо того, чтобы встречать дорогих гостей?

— Мне не хотелось туда идти.

Это показалось Каталине столь странным, что она недоверчиво взглянула на незнакомку.

— Вы не живете в этом городе, сеньора?

— Нет.

— Я уже подумала об этом, так как никогда не видела вас раньше. Мне казалось, что знаю всех, кто живет здесь, хотя бы в лицо.

Женщина не ответила. Каталина более внимательно всмотрелась в нее. Будь ее кожа чуть темнее, она могла бы сойти за мавританку. А может, она — новая христианка, из тех евреек, что предпочли крещение изгнанию из страны. Однако все знали, что они тайком продолжали отправлять еврейские ритуалы, мыли руки перед трапезой и после нее, постились на йом кипур и ели мясо по пятницам. Инквизиция не теряла бдительности; и считалось небезопасным поддерживать какие-либо отношения с крещеными маврами или новыми христианами. Кто знает, что они скажут под пыткой, попав в руки Святой палаты. Каталина стала лихорадочно вспоминать, не сказала ли она чего-нибудь крамольного, так как в Испании тех времен одно неосторожно брошенное слово являлось достаточной причиной для ареста, за которым следовали недели, месяцы, а то и годы тюрьмы и пыток, прежде чем немногим счастливым удавалось доказать свою невиновность. И Каталина решила,

что лучше как можно быстрее расстаться с этой страшной незнакомкой.

— Мне пора идти домой, сеньора, — сказала она и тут же с присущей ей вежливостью добавила: — Прощу меня простить за то, что я вас покидаю.

Каталина взглянула на костыль, лежащий у подножия лестницы, и заколебалась, не решаясь попросить незнакомку принести его. Но та будто и не слышала слов девушки.

— Хотела бы ты опять пользоваться обеими ногами, дитя мое, и снова ходить и бегать, как будто с тобой никогда ничего не случилось?

Каталина побледнела. Этот вопрос открыл ей истину. Незнакомка — не новая христианка, а мавританка: мавры, хоть и крещеные, поддерживали связь с дьяволом и с помощью черной магии творили разные чудеса. Не так давно в городе разразилась эпидемия чумы, и арестованные мавры признались на дыбе, что это дело их рук. Их сожгли на костре. Каталина онемела от страха.

— Ну, дитя?

— Я бы отдала все, что у меня есть, а у меня ничего нет, чтобы выздороветь, но даже ради возвращения любви моего Диего я не поступлюсь моей бессмертной душой, так как это оскорбило бы нашу святую церковь. — И, не отрывая взгляда от незнакомки, Каталина перекрестилась.

— Тогда я скажу тебе, как ты можешь излечиться. Сын Хуана Суареса де Валеро, который лучше всех служил Богу, поможет тебе. Он возложит на тебя

руки во имя Отца, Сына и Святого Духа, прикажет тебе бросить костыль и идти. Ты бросишь костыль и пойдешь.

Каталина ждала совсем другого. Слова незнакомки удивили ее, но женщина говорила с такой спокойной убежденностью, что девушка сразу ей поверила. Обретя надежду, девушка не отрывала взгляда от незнакомки. Она собиралась с духом, прежде чем задать распивавшие ее вопросы. А потом глаза Каталины расширились от изумления, а рот слегка приоткрылся, так как незнакомка исчезла. Она не могла уйти в церковь, потому что Каталина не спускала с нее глаз, она даже не пошевелилась, а просто растаяла в прозрачном воздухе. Каталина громко вскрикнула, и слезы, но уже слезы радости, вновь покатались по ее щекам.

— Это была Пресвятая Дева, — прошептала она. — Я говорила с Ней, как могла бы говорить с матерью. Святая Мария, а я приняла Ее за мавританку или даже новую христианку!

Ее охватило желание рассказать кому-нибудь об этой чудесной встрече. Каталина сползла со ступенек, взяла костыль, поднялась и захромала к дому. Лишь у двери она вспомнила, что там никого нет. Войдя, Каталина вдруг почувствовала, что очень голодна. Она съела ломоть хлеба, несколько оливок и запила их стаканом вина. Потом ей захотелось спать. Она присела на кровать с твердой решимостью дождаться матери и дяди Доминго. Ей так хотелось рассказать им обо всем. Но глаза стали слипаться, и скоро Каталина спала крепким сном.

Если бы не несчастный случай, Каталина стала бы писаной красавицей. Шестнадцати лет, высокая для своего возраста, стройная, с миниатюрными руками и ногами, длинными, чуть ли не до колен, черными вьющимися волосами, с румянцем на смуглых щечках и алыми губками, из-под которых при улыбке показывались ровные белоснежные зубы, она, проходя по улицам, неизменно вызывала восхищенные взгляды мужчин. Полностью ее звали Мария де лос Долорес Каталина Орта-и-Перес. Ее отец, Педро Орта, вскоре после рождения дочери уплыл в Америку, рассчитывая быстро сколотить состояние, и с тех пор о нем больше не слышали. Его жена, Мария Перес, так и не знала, жив он или умер, но все еще надеялась, что Педро вернется с сундуком, набитым золотом, и обогатит их всех. Набожная женщина, она каждое утро молилась о его благополучии и сердилась, когда Доминго, ее брат, говорил, что Педро если не умер, то завел себе индианку, а то двух или трех, и не собирается возвращаться к жене, потерявшей молодость и красоту.

Дядя Доминго доставил немало огорчений своей набожной сестре, но Мария любила брата отчасти из христианского долга, а главным образом потому, что, несмотря на многочисленные недостатки Доминго, редко кто мог устоять перед его обаянием. Она не забывала брата в молитвах и льстила себя надеждой, что лишь благодаря их действенности, а во-

все не с возрастом, Доминго наконец-то остепенится. Их отец хотел, чтобы Доминго стал священником, и отправил его в семинарию Алькала-де-Энарес, где тот принял низший духовный сан и ему выбрили тонзуру. В одно время с Доминго в семинарии обучался и Бласко Суарес де Валеро, теперешний епископ Сеговии, которого в тот день торжественно встречали жители города. Мария Перес частенько тяжело вздыхала, думая о том, как разошлись пути двух семинаристов. Доминго был плохим учеником. С первых дней учебы у него начались неприятности, вызванные его упрямством, непокорностью и распущенностью, и ни увещевания, ни епитимьи, ни даже бичевание не могли его смирить. К тому же он любил выпить и, как следует набравшись, пел похабные песни, оскорблявшие слух его соучеников и учителей, обязанности которых состояли в том, чтобы привить молодым умам скромность и приличие. Ему не было и двадцати, когда он взял в наложницы рабыню-мавританку с ребенком, а лишь об этом стало известно, присоединился к труппе бродячих актеров. Два года он кочевал с ними из города в город, а потом неожиданно появился в отцовском доме.

Доминго громогласно раскаялся в своих грехах и обещал исправиться. Вероятно, Провидение не уговило Доминго карьеры священнослужителя, и он сказал отцу, что поступит в университет и будет изучать право, если тот даст ему достаточно денег, чтобы не умереть с голоду. Отец очень хотел поверить, что его единственный сын образумился, и назначил ему